

Анастасия ФЕЛЬКЕР

студентка I курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

Научный руководитель: д-р истории Л.А. Мосионжник

ОБРАЗЫ ТОЛКИЕНА: МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЛШЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Felcker A. The Tolkien's Images: Mythological Origin of Magic Objects.

The article is dedicated to prototypes of magic items in J.R. Tolkien's works. Basing on the comparison of Tolkien's works and Celtic, German and Iranian mythologies there were discovered some prototypes for magic rings of power, elves' magic items and magician's attributes.

The research has found out that there are two kinds of conceptions about power underlined at the heart of the majority of images under consideration: about power as other will's violence and sub-creation (when one takes his part in world creation). It is possible to find both these archetypes in mythologies. In Tolkien's world these terms are corresponded to "Magic" and "Wizardry".

Предлагаемая статья посвящена прообразам волшебных предметов в работах Джона Рональда Руэла Толкиена. На основе сравнения творчества Толкиена и мифологий кельтских, германских и иранских народов были выявлены прототипы для следующих предметов: волшебные кольца власти, эльфийские волшебные предметы, атрибуты магов. Исследование показало, что в основе образов большинства исследуемых предметов лежат два рода представлений: о власти, понимаемой как насилие над чужой волей, – и о со-Творении (участии личных усилий человека в творении мира). Оба этих архетипа встречаются в исследуемых мифологиях. У Толкиена им соответствуют понятия «волшебство» (Magic) и «чарование» (Wizardry).

В наши дни, когда мифологические образы и сюжеты стали важным фактором массового сознания и орудием пропаганды, особенно важно понимать, чем обусловлена их эффективность, их успех или неуспех в качестве средства убеждения. В этом смысле работы Толкиена, как автора одной из самых глубоко разработанных и распространённых

мифологий XX века, представляют несомненный интерес. Тем более что его работы основаны на глубоком знании мифологий средневековой Европы, особенно Северной. И раз популярность Толкиена как писателя растёт каждый день (а некоторые его работы уже стали фактом культурной жизни, причём это происходит не в рамках одной страны, а в рамках чуть ли не всего человечества), соответственно миф, использованный Профессором, актуален и для нашей сегодняшней действительности (некоторые исследователи приписывают этот успех аллегориям, которые нередко можно встретить в текстах писателя).

Сразу хочу отметить, что данное исследование не является чисто литературоведческим и не ставит целью только изучить определённые сюжеты из работ Толкиена. Отвечая на вопрос о том, почему для исследования был выбран не какой-либо пласт в творчестве Толкиена, и предметом исследования стали конкретные образы и конкретные волшебные предметы, а целью – поиск их прототипов, приведу слова самого Профессора, который говорил, что поиск

источников «Властелина Колец» займёт не одно поколение учёных, поэтому было бы интереснее рассматривать использование в каждой конкретной ситуации каждого конкретного мотива – был ли он выдуман, осознанно заимствован или случайно пришёл на память (Толкин 2004:142).¹ Творчество Толкиена – это целая космогония со своими ритуалами и героями, со своей логикой и законами. Профессор не только создал свой мир, но и подарил ему несколько необыкновенно мелодичных языков; это – мир в самом себе, и он оживает благодаря богатейшему воображению писателя, обладающего поистине энциклопедическими знаниями.

Волшебные предметы являются неотъемлемыми атрибутами сюжета, который разворачивается по сходному с волшебной сказкой², а точнее, по выражению Н. Капраповой (1998), мифо-сказкой, пути:

- нарушение запрета
- проблема
- препятствия на пути её решения
- как правило, счастливое окончание.

Проблема в данном случае заключается в волшебном предмете – Кольце Всевластия, а точнее, в последствиях, которые оно несёт. Его роль в мифологии огромна. Оно – движущая сила и первопричина толкиеновских историй. Кольцо символизирует власть³, причём власть безграничную, насильственную, направленную на подавление воли. Уже в этом проявляются архетипы, задействованные Толкиеном и составляющие, по сути, часть его мифа. Кольцо прекрасно, оно несёт небывалое могущество, позволяет контролировать действия младших колец, подвластных ему,⁴ ибо выковано самим Чёрным Властелином, или Сауроном, который вложил в Кольцо всю свою силу и мощь (таким образом, Кольцо – это отчуждённая сила, превос-

ходящая своего создателя⁵). По сюжету, Единое Кольцо повелевало всеми прочими, а мощь их была связана с его мощью. Кольцо заклеено тайной надписью – заклинанием, и надписи будто проступают огненно из глубины Кольца. Саурон в некоторой степени воплотился в своём творении, Каждый новый владелец называл Кольцо по-своему, но для всех Оно – Сокровище, собственность, «прелесть». Любой, завладевший им, пострадает, ибо он желает присвоить себе чужую силу⁶, а Кольцо сильно настолько, что подчинит всякого своей воле. Образ волшебного кольца очень оригинально трансформирован Толкиеном, ведь прототипом этого предмета стало колечко карлика Андвари из Старшей и Младшей Эдды. Но в Эддах колечко – это лишь сокровище, несущее великие беды и проклятие карлика:

«Золото это,
что было у Густа⁷,
братьям двоим
погибелью будет,
смерть восьмерым
принесёт героям;
богатство моё
никому не достанется»

(*Старшая Эдда, Речи Регина, 5*)

Толкиеновское же Кольцо обладает собственной волей. Последнее представляет собой символ власти, волшебный предмет, по мощи превосходящий своего создателя, ибо без Кольца Враг не мог полностью воплотиться и низвергнуть Средиземье во мрак. Лишь огромное сопротивление этой всепоглощающей силе способно спасти мир от разрушения.

Злой силе в толкиеновском мире противостоят все живые существа, в том числе и Царица эльфов Галадриэль, которая по-

¹ Было бы логично искать прототипы образов волшебных предметов в германо-скандинавских и ирландских мифологических и героических текстах, ведь писатель был профессиональным лингвистом и по роду деятельности был прекрасно знаком с вышеупомянутыми работами, а по «Беовульф» читал курс лекций в Оксфордском университете.

² Волшебные сказки, как подчеркивал В.Я.Пропп, «выделяются не по признаку волшебности или чудесности... а по совершенно четкой композиции». В основе волшебной сказки лежит образ – отсюда «иное царство», куда следует попасть герою, чтобы приобрести невесту или сказочные ценности, после чего он должен вернуться домой. Повествование «вынесено целиком за пределы реальной жизни». Характерные особенности волшебной сказки: словесный орнамент, присказки, концовки, устойчивые формулы. (<http://www.krugosvet.ru/articles/109/1010907/1010907a1.htm#1010907-L-102>)

Неоднократно подчёркивается связь некоторых волшебных сказок с мифами, из которых первые произошли. Не исключается также, что сказки первоначально также имели магическое значение (БСЭ 1976: т.23, 489), (МНМ 1992: т. 2, 441) Можно обратиться и к классификации сказочных сюжетов Аарне-Томпсона №№ 300-749 (подробнее об этом см. Пропп 1998: 115)

³ По определению, власть – это «авторитет, обладающий возможностью подчинить своей воле, управлять или распоряжаться действиями других людей» (БСЭ 1976: т.5, 151). Но власть бывает разная. В случае с Кольцом Всевластия речь идёт о власти насильственной, жаждущей добиться своей цели и не гнушающейся при этом никакими методами.

⁴ Всего было создано 20 колец: 1 – Единое, выковано Сауроном и 19 – руками эльфов. 16 из них Чёрный Властелин захватил и извратил (ему это было подвластно, так как он приложил руку к их созданию). Саурон передал те кольца различным народам Средиземья (7 – гномам и 9 – людям), надеясь тем самым обрести над ними власть.

⁵ Можно рассматривать такое перераспределение силы и как своеобразный отголосок фетишизма.

⁶ Возможно, неосквернёность эльфийских колец тем и объясняется, что эльфы сами их выковывали.

⁷ Густ – предок Андвари или, возможно, он сам.

казала главным героям романа, что может случиться с их миром, если они не донесут Кольцо до Огненной Горы и не уничтожат его. А показала она это в волшебном Зеркале, по внешнему виду и некоторым функциям напоминающему образ Святого Грааля, который в средневековых легендах представлен не иначе как таинственный сосуд, ради приближения к которому и приобщения к его благим действиям рыцари совершали свои подвиги. У Толкиена никакими благами Зеркало не обладает, но зато действия с ним наполнены неким мистицизмом, что снова напоминает Грааль, хранящий тайны мироздания. Особо важной чертой, присущей Зеркалу, является то, что никто не может знать, что оно покажет: смотрящий может увидеть как прошлое, так и настоящее или будущее, т.е. в Зеркале каким-то образом хранятся тайные знания, в том числе и о том, «что будет», как и Грааль, по словам Н. Бонналь (2003), символизирующий книгу, где «всё» написано. Существует достаточно интересная гипотеза (Мак-Клейн) о том, что Зеркало может сравниться со Священной чашей Джамшида и Кей-Хосрова, которая играет немаловажную роль в персидском эпосе «Шахнаме». Смотря в эту чашу, Кей-Хосров мог наблюдать всё происходящее в мире и даже предсказывать будущее.

«Йездану, как он завещал, помолясь
Святую его призову благодать
И чашу затем повелю я подать –
То – зеркало мира, в котором видны
Просторы любой поднебесной страны.
Я царственным предкам, великим вождям
От чистого сердца хваленья воздам
И после скажу, где Бижен дорогой –
Мне это откроется в чаше благой
<...>

...Подмоги себе у Йездана просил,
Защиты от ков Ахримана просил,
К престолу царей возвратился потом,
Воссел, осиянный кейянским венцом,
И, в руки ту чашу заветную взяв,
Увидел все семь поднебесных держав».

Не менее важным образом в толкиеновской мифологии являются волшебные мечи. Эти предметы издавна были в центре внимания авторов средневековых эпосов и героических легенд. Важную роль играет мистический смысл, придаваемый этому виду

оружия, равно как и его создателям – волшебные мечи ковали великие кузнецы, и от этого зависел как «характер» оружия, так и его дальнейшая судьба, поскольку связь профессии кузнеца с таинственными знаниями универсальна и отмечена во многих западноевропейских средневековых текстах. Например, магический кузнец Виланд, или Вёлунд. У Толкиена кузнечному мастерству эльфов обучает великий валар⁸ Ауле, который был «кузнецом, знатоком всех ремёсел и искусен был во всём – как в малом, так и в великом» (Толкиен 1992: 14). Известно, что на клинках мастера оставляли клеймо. Возможно, они этим заключали в меч часть себя. Но меч нёс в себе не только мощь и волю создателя, он заключал Судьбу⁹, доблесть, удачу воина. Ценность меча для его владельца объяснялась его сверхъестественными качествами. В сагах эти качества обеспечивали непобедимость воина, именно от них зависела жизнь владельца меча. Поэтому к оружию относились с уважением, благоговением, а утрата его была дурным знаком. Иногда за этим следовала смерть (Лебедев 1991: 290)¹⁰. Часто на оружии или на ножнах высекались надписи или знаки. Эти надписи (чаще всего руны) выводились с особой целью: они могли рассказывать историю этого оружия, таким образом можно было «заговорить» меч. Так, Сигдрива рассказывает Сигурду:

«Руны Победы,
коль ты к ней стремишься, –
вырежи их
на меча рукояти
и дважды пометь
именем Тюра!»

(*Старшая Эдда, Речи Сигдривы, 6*)

Известны даже «руны смерти»; они специально высекались на оружии, чтобы придать ему губительную силу. Во «Властелине колец» же говорится, что по всему лезвию меча Арагорна Андрилы вились охранные руны. Кроме этого, на лезвиях и рукоятках мечей могли быть вытравлены иные изображения. По мнению А.Ю. Алексеева (1991: 275), такие изображения (равно как и другие детали) были дополнительными. Они должны были усиливать восприятие и создавать информационную избыточность, необходимую для надёжного воздействия в на-

⁸ Валары – существа, по функциям сравнимые с архангелами.

⁹ Судьба понималась не как всеобщий рок, а как индивидуальная доля отдельного человека, при этом – не определенная свыше, а неразрывно связанная с доблестью, силой и мужеством воина.

¹⁰ Ещё более интересную трактовку даёт Юлиус Эвола, который говорит, что «клинок меча символизирует душу рыцаря» (цит. по Бонналь 2003: 239). Это, среди прочего, объясняет, почему холодное оружие ковалось в глубокой тайне.

туре. Есть версии, что и сакральная функция стимулировала (а иногда прямо требовала) покрывать некоторые части меча специальными знаками или орнаментами, имевшими магическое значение. Иначе было бы психологически трудно помещать в данный меч индивидуальную Судьбу воина.

В средневековом эпосе в качестве украшения меча чаще всего упоминается змей. Именно так был украшен Хрунтинг, меч, подаренный Беовульфу при дворе Хродгара.

«Лучший из славных
клинков наследных
(были на лезвии,
в крови заточенном
зельем выравнены
узорные змеи)»¹¹
(*Беовульф*, 1458-1460)

А также меч, добытый Хельги в сокровищнице на Сигарсхольме.

«Есть там один
самый лучший.
Золотом убран –
гибель для копий.
С кольцом рукоять,
храбрость в клинке
<...>
На лезвие змей
окровавленный лег,
другой обвивает
хвостом рукоять»
(*СЭ, Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда*, 8-9)

Нечто подобное мы наблюдаем у Толкиена. «Хоббитам он [Том Бомбадил – А.Ф.] подобрал каждому по клинку дивной невиданной работы. Вытянутые из ножен, они сияли на солнце, рассыпая вокруг блики. По лезвиям вились красные и золотые змейки» (Толкиен 1997: I, 198).

В текстах Толкиена часто можно встретить именные мечи. Обычай давать имена прославленному оружию был ещё у древних германцев. Так меч, Зигфрида звался Бальмунг, меч Беовульфа – Нэгглинг. Их можно встретить и в «Старшей Эдде»: Грам Сигурда и Ридил Регина. Не каждый меч заслуживал имени. Такое было возможно лишь с надёжным и испытанным оружием. Имена были символическими, отражали индивидуальность, назначение, историю, а порой и судьбу клинков. Ярчайшим примером такого использования имени меча в ирландском эпосе является меч короля Артура Эскали-

бур – «Разрубаю сталь, железо и всё», или меч Орна (тоже из ирландских саг), имя которого происходит от глагола *ornaí* – «уничтожает», «разрушает» (Похищение быка из Куальнге 1985: 494). У Толкиена Оркрист означает «Сокрушитель гоблинов», Гуртранг из Сильмариллиона – «Смертное железо», а перекованный великий меч Элендила был назван Арагорном Андрил – «Пламя Запада», как последняя надежда западного края.

В средневековье меч являлся неизменным атрибутом настоящего викинга-скандинава. Знатному мужу такое оружие принадлежало изначально. В мече, в сокровищах был материализован социальный статус полноправного скандинава. В этом случае меч выполнял функцию этнопопулярной идентификации (Лебедев 1991: 287). Но владеть мечом мог не каждый – это право нужно было заслужить, ибо меч – средоточие тайного знания металлов и драгоценных камней, и избранность героя находит отражение в избранности оружия. Особо ценились мечи, передаваемые от отца к сыну. В этом случае оружие могло быть родовой реликвией, символом или даже главным сокровищем рода.

Эта функция, как и многие другие, сохранена у Толкиена, кроме этого, его мечи повторяют многие волшебные свойства своих прототипов (найденно множество схожих сюжетов). Например, они сияют внутренним светом при приближении врага. Таким же свойством обладал чудо-меч Беовульфа – «наследие древних гигантов». Когда герой этим мечом отсек голову чудовищу Гренделю,

«И тут победный
меч изнутри
озарился светом –
так ранним утром
горит на тверди
свеча небесная»

(*Беовульф*, 1569-1572).

Вспоминается и пир в Асгарде, на котором «мечи так сверкали, что там стало светло, и, пока все сидели за пиршеством, другого огня не требовалось» (Младшая Эдда, Язык поэзии).

Но что важнее всего, у Толкиена меч – это не только оружие и символ рода, но и символ королевской власти, ибо существовало поверье, что Сломанный меч (доставшийся Арагорну) будет откован заново лишь тогда, когда вернётся наследник Элендила:

¹¹ Изображения, равно как и другие знаки, могли окрашиваться и в крови, а руны даже полагалось натирать кровью.

«В сумраке луч сверкнёт,
Клинок вернётся на рукоять,
Корону король обретёт»
(Толкиен 1997: I, 231).

Ну как тут не вспомнить эпизод из Артурианы, где после смерти короля Утера Пендрагона (который не оставил наследников) Мерлин вонзил меч в наковальню, а её – в камень лондонской церкви и оставил надпись: «Кто вытащит меч из наковальни камня, тот и есть законнорожденный король всей Англии» (Филип 2001: 84).

Между тем ношение меча в качестве символа власти восходит к древней иранской традиции, которая засвидетельствована Авестой, а о культовом, ритуальном использовании меча ещё скифами было широко известно и также засвидетельствовано в источниках (Алексеев 1991: 272), а в ирландской саге «Битва при Маг Туиред» так и говорится: «тогда поклонялись оружию люди, и оно было их защитой» (Похищение быка из Куальнге 1985: 378-379).

Уже говорилось, что каждый предмет в толкиеновском мире обладал своей, чётко определённой функцией. Именно она определяла вид трансформации прототипных образов. Например, общеизвестно, что образ предметов-«невидимок» используется давно, но Толкиен оказался достаточно оригинален в новом прочтении образа волшебных плащей и наделил их доселе невиданными свойствами, например, способностью наводить сон или менять цвет в зависимости от освещения. Единственным аналогом прекрасного творения эльфов в средневековом эпосе является плащ-невидимка Зигфрида Нидерландского – героя «Песни о Нибелунгах». Плащ воин получил вместе с кладом нибелунгов.

«Плащ-невидимку отнял,
и в плен был Альбрехт взят.
Вот так во власти Зигфрида
и оказался клад»
(Песнь о Нибелунгах, III, 97).

«Едва свой плащ волшебный
воитель надевал,
Тот разом мощь такую
владельцу придавал,
Что Зигфрид силой равен
был дюжине бойцов
<...>
К тому же, обладая сокровищем таким,

Герой, что б он ни делал,
был для людей незрим»
(Песнь о Нибелунгах, VI, 337-338).

Вышесказанное можно отнести фактически ко всем образам, будь то посох мага или палантир (камень, «видящий сквозь даль»), имеющий схожие черты со всевидящим зеркалом из английской сказки. Тесная связь волшебных камней с королевской властью и законным наследником трона (право на владение ими имели лишь потомки королевского рода людей) роднит камни Феанора со знаменитым кельтским камнем Лиа-Фаил, который символизирует власть, «центр», «средоточие», «пуп земли», расположенный в Таре (сакральном центре Ирландии).

Важно правильно толковать понимание писателем сущности волшебства, с помощью которого было создано большинство вышеописанных предметов. Это даже не столько волшебство, сколько мастерство. Толкиен, желая выделить его, отличить от человеческого (называя специфически эльфийским и сильнее воздействующим) прибегает к слову «чарование». Только чарованием, направленным на сотворчество могли быть созданы Сильмарилли¹², Зеркало Галадриэли и, конечно же, три Кольца Власти (которых не коснулся Саурон). Чарование ни в коем случае нельзя путать с магией, занятие которой приписывалось лишь волшебникам. Самое главное отличие чарования от магии то, что действие последней нацелено на могущество в первичном мире, на власть над вещами и волей людей. Как утверждал А. Мень (1971: 70-71, курсив А. Мень), магия имеет целью *повлиять* на окружающий мир, *заставить* природу служить человеку, поработить её. Именно магизм явился источником древней власти, кроме того, *в нем открыто присутствует та духовная тенденция, которая коренится в первородном грехе человечества: поставить себя в центр мироздания и заставить служить себе его силы*, в то время как цель чарования – в сотворчестве.

В конечном результате были определены прототипы для всех рассматриваемых предметов путём обнаружения сходства толкиеновских сюжетов с сюжетами из широко известных мифологических текстов, а также из поэмы «Беовульф», что свидетельствует о том, что Профессор в своих работах широко использовал образы из упомянутых мифологий.

¹² Сильмарилли – 3 алмаза, сотворённые Феанором и наполненные светом Двух Древ; были похищены Морготом. С ними связана вся история Предначальной Эпохи.

Уже говорилось о том, что в работах Толкиена использован миф, иначе говоря – фундаментальные установки, построенные на иррациональном сознании, или архетипы. В образах рассматриваемых предметов этими архетипами оказались, прежде всего, архетипы, связанные с властью, силой (а иногда каким-то образом их демонстрирующие). Они задействованы фактически во всех упомянутых предметах. Соответственно, именно архетипы, связанные с властью, актуальны и по сей день.

Однако на данную проблему можно посмотреть ещё шире: за пластом очевидных, лежащих на поверхности и уже упомянутых архетипов, лежит ещё один, гораздо более глубокий толкиеновский смысл, суть

которого в том, что соблазн власти все-таки возможно преодолеть, противопоставив искушению сопротивление соблазну неправомерно присвоенной власти (важно то, что эту власть содержат в себе предметы, всех свойств которых герой не знает, да и вряд ли узнает когда-нибудь) и всю без остатка волю героя.

Вероятно, подобные выводы смогут помочь разобраться в законах современного мифологического сознания, ведь, как говорил А. Мень, отличие старого мифа от нового заключается лишь в материале, из которого он состоит, а именно мифологические образы всегда основаны на подсознательных мотивациях, отчасти скрытых и не поддающихся поверхностному анализу.

Литература

- Алексеев А. Ю. 1991. Эпюд об акинаках // Клейн. Л.С. 1991. Археологические типологии. Л.
- Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах. 1975. М. ХЛ. БВЛ. Серия 1, т. 9.
- Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). 1976. М.: «Советская Энциклопедия».
- Бонналь Н. 2003. Толкиен. Мир чудотворца. М.: «София».
- Капралова Н. 1998. За дълбините на вълшебната приказка // «Български език и литература», № 5-6, с. 17-22. Перевод Е.В. Рацеевой.
- Лебедев В. 1991. Эпюд о мечах викингов // Клейн Л.С. 1991. Археологические типологии. Л.
- Мак-Клейн М. Индоиранские влияния на Толкиена. (http://www.lib.luksian.com/tolkien/mc_clein.html)
- Манзура И. В. 2000. Владеющие скипетрами // Stratum-plus №2. СПб. – Кишинев – Бухарест – Одесса.
- Мельникова Е. А. 1987. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: «Мысль».
- Мень А. В. (Эммануил Светлов). 1971. Магизм и единобожие: религиозный путь человечества до эпохи Великих Учителей. Брюссель: «Жизнь с Богом».
- Младшая Эдда. 1970. Л.
- Мифы народов мира. Энциклопедия (МНМ). Тт. 1-2. 1991. М.: «Советская энциклопедия».
- Похищение быка из Куальнге. 1985. Подг. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев. М.: «Наука». Серия «Литературные памятники».
- Пропп В. Я. 1998. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: «Лабиринт».
- Толкиен Дж. Р. Р. 1997. Властелин Колец. Трилогия (с приложением). Перевод В. Грушецкого и Н. Григорьевой. СПб.: «Азбука».
- Толкиен Дж. Р. Р. 1991. О волшебных сказках // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. Сост., общ. редакция и предисловие В. А. Чаликовой. М.: «Прогресс». С.277-299.
- Толкин Дж. Р. Р. 2004. Профессор и чудовища. СПб.: «Азбука-классика».
- Толкин Дж. Р. Р. 1992. Сильмариллион: эпос нолдоров. М.: «Тиль Эстель».
- Филипп Н. 2001. Мифы и легенды. М.: «Slovo».
- Фирдоуси. 1972. Шахнаме. М.: ХЛ. Серия «БВЛ».